

Заметки журналиста

Это — не путевые очерки и не статья об искусстве, а скорее — беглые наброски о впечатлениях от посещения родины В. И. Ленина — Ульяновска, попытка поделиться с читателями раздумьями после встреч с интересными людьми, после переосмысливания давно, казалось бы, известных истин.

Памятник В. И. Ленину
в Ульяновске

ВЫСКАТЕЛЬНОСТЬ — СПУТНИК ТВОРЧЕСТВА

Жил в провинциальном городе актер. Много ролей сыграл он за свою долгую жизнь. «Сыграл», пожалуй, не то слово. Он выводил своих героев к людям, и после спектакля они будто уходили вместе со зрителями и продолжали жить среди них, помогая или препятствуя в их делах, любви, творчестве...

Но главная роль... О ней актер только мечтал, то есть работал на нее, но о желании «сделать» ее не говорил даже близким друзьям. Да оно и понятно: распространяться о том, что составляет цель жизни — значит обкрадывать мечту, обкрадывать самого себя.

И вот театр решил поставить «Человека с ружьем» Погодина. А роль Ленина предстояло исполнять... Ну, конечно же, ему — человеку, который уже готов был внутренне к этому, актеру, о котором мы начали рассказ. Но премьера не состоялась: началась война, вскоре в город вошли враги. Первым делом сняли они с пьедестала небольшую скульптуру Ильича, что стояла на городской площади... Теперь на ней проходили не праздники, а казни... В тот день веревки наспех сколоченных

виселиц должны были затянуться на шее двух партизанских связных. С утра, задолго до начала варварской церемонии, сгоняли фашистские солдаты на площадь понурых людей. Первыми привезли обреченных: маленькую худенькую девушку и пожилого, когда-то крепкого, но измученного пытками мужчину — известного и уважаемого в округе человека, коммуниста... Потом приехал комендант, притащились два-три местных иуды, пожалованных оккупантами высокими чинами. Серо-зеленые мундиры со знанием дела оцепили четырехугольники с виселицами. Вторая цепь, более жидкая, протянулась по краям площади, в глубине которой за спиной коменданта непривычно четко громоздился постамент памятника.

Переводчик потребовал тишины. Комендант встал, готовясь произнести речь... И вдруг над ним, над всей этой массой людей — на пьедестале появился Ленин. Живой Ленин. Пытливо и внимательно смотрел он на какой-то миг через головы врагов на хмурых горожан... И сказал всего одну фразу: «Товарищи! Социалистическое отечество в опасности!» Разом, единым всеокрушающим валом ринулась тысячная толпа к центру площади, смяла, растоптала врагов. И разве

могли остановить эту волну людского гнева вражеские выстрелы!

Партизан, приговоренный к смерти, громко крикнул: «Спасайте Ильича», — и смешался с лавиной людей, сокрушающей фашистов.

Так осуществил свою мечту старый актер, заплатив за нее жизнью.

Может быть, это легенда. Но скорее всего — так было. И, конечно, могло быть. Ведь для подлинного художника — актер он или скульптор, соприкосновение с ленинской темой — вершина творчества, высшая мера признательности его таланта. А для зрителей, для каждого из нас встреча с ленинским фильмом, новой картиной или скульптурой, запечатлевшей образ Ильича, — очень нужная в жизни радость, ставшая потребностью. Вспомните заполненный до отказа зал нашего драмтеатра, когда на сцене его — «Кремлевские куранты» или «Третья патетическая». Вспомните, как волновались мы, когда предстояло увидеть нашего земляка, народного артиста РСФСР М. П. Кузнецова не на сцене, а на экране в фильмах «Синяя тетрадь» и «Залп «Авроры», где он тоже исполнял роль Владимира Ильича Ленина.

Когда мы видим анонс премьеры, связанной с ленинской темой, с биографией или всего лишь эпизодом из жизни вождя, мы, прежде всего, интересуемся, кому оказать честь вновь вывести Ильича массы, вывести живого, неповторимого: Штрауху, Смирнову, Смоктуновскому? И, согласитесь: идя на такой фильм или спектакль, мы немного побаиваемся, а вдруг актер не обогатит нас знакомством с новыми гранями огромнейшей человеческой личности Ильича, а непродуманным штрихом или нечаянным нюансом разрушит сложившийся в нашем сознании образ Ленина. Взыскательность — неперенный спутник всякого творчества. Но здесь этот спутник должен быть особенно надежным и проверенным. Тут малейшая фальшь недопустима.

В Ульяновске на семинаре радиожурналистов еще в августе показали нам фильм «Шестое июля». О нем можно много писать и говорить, но самое выразительное слово, на мой взгляд, не

раскроет ту огромную глубину, которую он раскрывает. Фильм есть фильм. Его надо видеть, а не читать или слышать о нем. Так вот. После просмотра начался, естественно, обмен мнениями. Точно и четко выразил впечатление всех присутствующих гость семинара, народный художник СССР академик Николай Николаевич Жуков, для которого ленинская тема — магистральная в его работе. И, конечно, прежде всего он заговорил об огромном успехе актера Каюрова: «Мне кажется, что бесподобен внешний портрет Владимира Ильича. Это очень большая победа советской кинематографии, и это один из очень больших вкладов в решение образа Ленина. И я, когда увидел, даже сказал себе, что надо равняться вот по такому образцу. Великолепно сделано! Ведь смотришь его, по сути дела, как документальную пленку. Все цельно, продуманно. Молодцы! Очень хорошо».

Дав высшую оценку фильму, Н. Н. Жуков не преминул сказать и о том, что, на его взгляд, не удалось, каких ошибок можно и нужно избежать в дальнейшей работе над образом Владимира Ильича в кино. И это «не придирки», а требовательность мастера к мастеру — замечательного художника к великолепному и любимому актеру.

Начался интересный разговор об удачах и просчетах отечественной киноленинианы. Кто-то спросил Николая Николаевича: «А как вам Смоктуновский в роли Ленина?» Ответ последовал горячий и убежденный: «Смоктуновский — очень талантливый человек. Но раз ты на голову выше Ленина ростом — тогда не надейся на силу таланта: что бы ты ни делал, ты не будешь Лениным. Зритель не примет. А весь этот грим будет считаться как ряженность: «человек делает все нарочно, он — актер, он меня обманывает, я ему не верю». Вот, что происходит. Я это чувствовал, когда смотрел игру Смоктуновского в роли Ленина. Конечно, это не Ленин. И напрасно (я очень жалею), что режиссер и авторский коллектив согласились на то, чтобы роль Ленина поручить Смоктуновскому. Смоктуновский великолепный актер, сыгравший

великолепного Гамлета,— и еще много десятков ролей сыграет. Но Ленин ему противопоставлен, не по таланту, а просто по физическому существу его личности. Он слишком высок...

— Знаете,— продолжал Жуков,— дело не только в Смоктуновском... В той подготовке, которая идет к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, очень нужно быть тщательными, требовательными, не снижать требовательности и к художникам, и к актерам, и к литераторам — ко всем работникам искусства и литературы, которые работают над образом Ленина.

Предостережение, на мой взгляд, не излишнее, особенно сейчас, когда интерес к ленинской теме особенно велик и создано по ней уже много прекрасного. Да! Материал богатейший: работы Владимира Ильича, тома мемуаров о нем, масса фотографий, пленки документального кино и даже голос Ильича, записанный на грампластинки и магнитофонные ленты. Как живой с живыми говорит с экрана Ленин Щукина, Штрауха, Каюрова. Весь мир знает замечательные картины и рисунки Бродского, Герасимова, Васильева, Жукова, бессмертную лениниану скульптора Николая Андреева. Шедевров немало. Они окружают человека творчества, и порой он воспринимает их, не преломляя в себе, и получается, что он находится как бы на их изживании. А ведь здесь важно свое восприятие образа, причем восприятие художественное, а стало быть, обобщенное и в то же время сугубо личное.

...Бронзовый Ленин на площади. Ветер развеивает наброшенное на плечи пальто. Ильич расстегнул и пиджак — он весь чуть подался вперед, навстречу этой молодящей сердце свежести. Позади — Волга. Он будто поднялся по крутому откосу от самой воды. Шаг его широк и кажется: вот сейчас он осторожно, чтобы не причинить вреда живым цветам на постаменте, сойдет с пьедестала и энергично, бодро пройдет по улицам города своей юности, заговорит с земляками, внимательно присматриваясь, как одеты они, как настроение, хорошо ли работается.

Обаяние памятника Владимиру Ильичу в Ульяновске, созданного скульптором Манизером свыше 20 лет назад, в том, наверное, и заключается, что, несмотря на внушительные размеры, он не воспринимается как застывший специально для истории монумент. В нем ощущаешь постоянное движение, волевою целеустремленностью, человеческую сердечность и необычайную простоту. Здесь, на площади, любят гулять ульяновцы. Сюда в первую очередь приходят те, кто приезжает на родину В. И. Ленина. Это — не просто традиция. Возникает какая-то внутренняя потребность, стремление на несколько минут остаться с Ильичем вроде бы с глазу на глаз, поделиться с ним самыми заветными мыслями.

Но там подумалось и о другом. У нас, на Ставрополье, нет, пожалуй, такого села (а уж райцентра — точно), где бы на почетном месте не был воздвигнут памятник Ильичу. Но ни один из них не волнует, и если останавливаешься около него, то только из уважения к памяти Ленина, т. е. опять-таки тот его образ, который уже сложился в сознании, а не тот, который по-новому решил художник. Конечно, невозможно каждую скульптуру заказывать известному на всю страну мастеру. Но ведь вполне реально отливать копии скульптур по оригиналу действительно высокохудожественному, действительно одухотворенному умом и сердцем автора. Вспомним Анатоля Франса: «Искусству угрожали два чудовища: художник, который не является мастером, и мастер, который не является художником». К сожалению, эти же «два чудовища» еще не перестали угрожать воспитанию эстетического вкуса широких масс самых различных по образованию и по способности восприятия окружающего людей. И еще. Большинство скульптур, о которых шла речь выше, почему-то непременно изображают Владимира Ильича с напряженно вытянутой рукой. В этой

связи нельзя не вспомнить очень точного замечания В. Д. Бонч-Бруевича о том, что такая поза противоречит самому внутреннему складу личности Владимира Ильича. «Он действительно, разговаривая с аудиторией, выбрасывал руку вперед, когда надо было поставить акцент в речи. Но если уж говорить о механике движения, то жесты Ленина были скорее к себе, а не от себя. Ведь театрально вскинутая вперед рука сразу выдает эгоистичного, нескромного оратора, «якалку». А Ильич никогда таким не был».

Видимо, отдельным скульпторам в стремлении к монументальности изменило чувство меры...

Оно порой изменяет не только им. Сейчас к нам, на радио, приток писем по ленинской теме очень велик. Пишут журналисты, рабочие, учителя, колхозники, литераторы. И в довольно большой части этих писем проскальзывает подобная тенденция «просто увековечить» Ильича, не сказав, в сущности, ничего своего о главном,— что побудило взяться за перо: незнакомая до этого и недавно прочитанная ленинская работа, фильм или стихи о нем, или раздумье над тем, что сделано по его заветам. Встречал я такие же материалы и в краевых и в районных газетах. Говорят, письма нештатных авторов — барометр курса прессы. В таком случае самое время вспомнить В. Маяковского:

Я боюсь,
чтоб шествия
и мавзолеи,
преклонений
установленный
статут,
не залили б
приторным елеем
ленинскую
простоту.

Ленина не надо увековечивать. Это уже сделала история. Долг журналистов менее грандиозен, но не менее труден: «всесторонне отображать жизнь и многогранную деятельность Ленина, теоретическое богатство ленинских идей, борьбу КПСС и всего коммунистического

движения за претворение в жизнь идей марксизма-ленинизма».¹

Писатели края, видимо, более взыскательны, чем работники прессы, и дольше вынашивают задуманное. Наверное, поэтому так редки стихи, поэмы, рассказы, новеллы по ленинской теме. Тем радостнее, когда такие произведения появляются. В декабре мы передали по радио публицистику Халимат Байрамуковой «Слово о Ленине». Это — искреннее, от сердца идущее слово писательницы о том, как в ее жизнь — жизнь девочки-горянки, из аула Хурзук вошел Ленин и все, что с ним связано, как с годами постигалась и человечность ленинской личности, и необоримость его идей, и величие дел современников, идущих по пути, проложенному Лениным и его партией.

Передача вызвала сразу много откликов. Радиослушателей тронула прежде всего непосредственность, правдивость личного восприятия автора, простота и точность образов, ненарочитая афористичность, присущая любому национальному фольклору. Очень правдиво нарисован образ В. И. Ленина в недавно вышедшем в свет романе Сергея Дроздова «На переломе».

Итак, старая истина «свое», «личное» любому художнику необходима. Идя к ленинскому юбилею, многие творческие коллективы, в том числе и не профессиональные, естественно, стремятся к своему раскрытию поистине неисчерпаемого образа Владимира Ильича. Желание вполне понятное: без новых поисков нет искусства. Но досадно, когда именно в этом «своем» перебарщивают. Сейчас в домах культуры, клубах, в гастрольных группах филармонии идет разработка сценариев агитбригад, тематических вечеров, лекций-конcertов, посвященных 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. И нет-нет, да и проскользнет такая недопустимая «отсебятина», смысловая неточность в репертуаре. Причем когда на это пытаешься обратить внимание, помочь, иной худрук пытается, как за щит, спрятаться за «кредо» некоторых профессионалов.

Один из известных зарубежных актеров, исполняющий роль Владимира Ильича, как-то заявил: «Я искал не характерных деталей образа, а что-то обобщающее». Удивительный и настораживающий парадокс: работая над ленинским материалом, забыть одно из важнейших положений ленинской теории отражения. Положение о том, что реализм в искусстве требует отбора главного, характерного, самого существенного в людях, в явлениях и событиях действительности, чтобы единичное было формой проявления всеобщего, формой проявления сущности, а случайное — формой проявления необходимости.

А как можно это характерное выбрать и обобщить, не вникая в детали образа, а тем более — сценического образа Владимира Ильича Ленина?

Ленин — это целая эпоха. Воплотить ее в себе может только огромный талант, сила которого — в правде, а залог успеха — в трудолюбии, в верном мировоззрении. «Часто один мощный художественный образ,— говорил писатель Гаршин,— влагает в нашу душу более, чем добыто многими годами жизни. Мы сознаем, что лучшая и драгоценнейшая часть нашего «я» принадлежит не нам, а тому духовному молоку, к которому приближает нас мощная рука творчества». Именно таков образ Владимира Ильича.

В. Васьков, старший редактор

общественно-политических передач

краевого радио.